

Судьбы украинскаго слова.

Украинскій публицистъ и литературный критикъ С. А. Ефремовъ, извѣстный русскимъ читателямъ по ряду статей объ украинскомъ національномъ движеніи, напечатанныхъ въ послѣдніе годы въ „Русскомъ Богатствѣ“, выпустилъ въ свѣтъ „Исторію украинскаго письменства“, — объемистый томъ въ 480 страницъ. До какой степени своевременнымъ оказался этотъ трудъ, можно судить по одному тому, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ книга была распродана безъ остатка и въ продажу поступило уже второе изданіе ея. И для русской книги подобный успѣхъ надо было бы признать выдающимся, для украинской же онъ представляется совершенно исключительнымъ.

Безъ сомнѣнія, извѣстную долю такого успѣха нужно отнести къ имени автора, пользующагося широкою популярностью въ средѣ украинской интеллигенціи, но основная причина лежитъ, конечно, не въ этомъ, а въ самомъ содержаніи книги, въ предметѣ ея и главное—въ тѣхъ широкихъ предѣлахъ, въ какихъ постарался охватить его С. А. Ефремовъ. Украинцы уже имѣютъ обширную и научно-разработанную исторію своей прекрасной и злополучной родины; исторіи же родной литературы, отъ начала ея возникновенія и до послѣднихъ моментовъ развитія, у нихъ до сихъ поръ, строго говоря, не было. Для того, чтобы ознакомиться съ украинскою литературой во всемъ ея объемѣ, приходилось обращаться къ цѣлому ряду монографій и изслѣдованій отдѣльных періодовъ и эпохъ, что, разумѣется, сопряжено со значительными неудобствами. Неудобства, испытываемыя при изученіи украинской литературы, особенно сильно ощущались и ощущаются австрійскими украинцами, не знающими русскаго языка и потому лишенными возможности свободно пользоваться многими изъ изслѣдованій малорусской литературы, написанными по-русски.

Отмѣченный пробѣлъ въ значительной мѣрѣ и восполняетъ книга г. Ефремова, начинающая изложеніе съ княжеской эпохи, когда украинская и русская литература еще не дифференцировалась въ самостоятельныя вѣтви, и заканчивающая его первымъ десятилѣтіемъ XX вѣка. Г. Ефремовъ не ученый изслѣдователь, не спеціалистъ-историкъ, а, какъ было уже упомянуто, литературный критикъ и публицистъ. Воспитанный въ тѣхъ традиціяхъ и идеяхъ, которыя созданы и закрѣплены въ русской литературѣ Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ, Михайловскимъ, онъ отразилъ ихъ въ общемъ характерѣ своей книги, и этимъ опредѣляются ея особенности. Не всегда онѣ могутъ быть отнесены къ активу этого почтеннаго труда, но подробнѣе мы скажемъ объ этомъ ниже, здѣсь же замѣтимъ, что „Исторія украинскаго письменства“—серьезно продуманный и переработанный подѣ вполне опредѣленнымъ угломъ зрѣнія итогъ того, что имѣлось до сихъ поръ въ русской и украинской литературѣ по вопросамъ, прямо или косвенно относящимся къ судьбамъ украинскаго слова. Авторъ старался освѣтить этотъ итогъ съ очень широкой точки зрѣнія. „Исторія, — говоритъ г. Ефремовъ,—должна брать литературныя явленія въ ихъ исторической обстановкѣ, т.-е. должна слѣдить за тѣмъ, какъ развивалась литература всѣми своими сторонами, какъ эволюціонировали въ ней литературныя стремленія и въ отношеніи содержанія и въ отношеніи формы, какъ литература отражала въ себѣ жизнь и какъ сама она реагировала на нее и чѣмъ именно удовлетворяла своихъ современниковъ. И такъ какъ красота—только одинъ изъ элементовъ жизни, то и эстетическая мѣрка была бы только частичною мѣркой, и уже въ силу одного этого она не можетъ служить путеводною нитью въ исторіи литературы... Исторія литературы должна давать обзоръ всѣхъ идей, которыя захватывали людей въ ту или иную эпоху и проявлялись въ литературѣ, а не одной только идеи эстетической“ (стр. 6 и 7). Выясняя далѣе тѣ идеи, которыя опредѣляютъ собою характеръ украинской литературы на протяженіи всей ея исторіи, и объединяя ихъ въ высшемъ обобщеніи, г. Ефремовъ заявляетъ, что путеводною нитью для своихъ очерковъ онъ беретъ принципъ общественнаго служенія литературы народу, не отказываясь при этомъ отъ контроля общеэстетическихъ требованій (стр. 12).

Такая позиція автора „Исторіи украинскаго письмен-

ства“, безъ сомнѣнія, является въ достаточной мѣрѣ уязвимой, и немудрено, что именно съ этой стороны на него накинута часть нерасположенной къ нему критики, ополчившаяся на защиту эстетическаго метода въ исторіи литературы. Но нужно признать, что критики, высказывавшіеся по этому поводу, также не удержались въ предѣлахъ необходимаго безпристрастія и совершенно не учитывали въ своихъ приговорахъ даже тѣхъ двухъ обстоятельствъ, которыя въ данномъ случаѣ ясны до очевидности. Первое обстоятельство заключается въ томъ, что авторъ „Исторіи украинскаго письменства“ не ограничивается областью художественнаго творчества, сферою „изящной словесности“, какъ говорили встарину, а охватываетъ въ своемъ трудѣ всѣ виды литературы до періодической печати включительно. Здѣсь ужъ, само собою понятно, не можетъ быть и рѣчи о главенствѣ и даже о примѣнимости эстетическаго принципа. Второе обстоятельство, которое въ настоящемъ случаѣ слѣдовало бы имѣть въ виду, это—подавляющее преобладаніе въ украинской художественной литературѣ,—и притомъ отнюдь не случайное,—произведеній, органически пропитанныхъ и неразрывно слитыхъ съ моральными и общественными началами. Попробуйте, напр., вынуть эти элементы изъ поэзіи великаго Шевченка, и она утратитъ три четверти своего значенія, внутренней силы и красоты.

Но и независимо отъ такого или иного взгляда на значеніе эстетическаго принципа въ историко-литературномъ трудѣ, то обстоятельство, что публицистъ слишкомъ преувеличиваетъ въ г. Ефремовѣ надъ историкомъ, неблагоприятно отразилось на выясненіи имъ общаго хода литературной эволюціи и на оцѣнкѣ нѣкоторыхъ объективныхъ фактовъ большаго значенія, не имѣющихъ къ эстетикѣ никакого отношенія. Въ заключительной, на примѣръ, части своего труда онъ поетъ цѣлый гимнъ украинской литературѣ, „которая никогда не восхваляла неправды и насилія, не помогала угнетенію слабыхъ, не стремилась къ порабощенію; эти мотивы, — говоритъ авторъ, — органически противны и чужды ей, непоколебимой заступницѣ за обездоленныхъ и обиженныхъ“ (стр. 463). Намъ прежде всего думается, что здѣсь допущена фактическая неточность, ибо самъ г. Ефремовъ упоминаетъ выше (см., напр., стр. 223, 230, 285—287, 387 и др.) о нѣкоторыхъ безусловно

отрицательныхъ явленіяхъ въ украинской литературѣ, на поляхъ которой расцвѣтали въ свое время цвѣты крѣпостнической поэзіи, а нынѣ произрастаетъ между прочимъ даже столь гнусный злакъ, какъ антисемитизмъ. Но независимо отъ этого намъ кажется, что авторъ, въ качествѣ историка, былъ бы гораздо ближе къ своей задачѣ, если бы вмѣсто панегирика добродѣтелямъ украинской литературы объяснилъ ей демократизмъ и неразрывно связанныя съ этой особенностью соціально-этическія ея свойства. А объясненіе это ему, конечно, очень хорошо извѣстно, и заключается оно, во-первыхъ, въ томъ, что народъ украинскій до сихъ поръ былъ и остается пока народомъ мужиковъ, націею обездоленныхъ классовъ, и, во-вторыхъ, въ томъ, что сама литература украинская цѣлые вѣка находилась въ угнетеніи и униженіи. При такихъ условіяхъ, въ ней, само собою разумѣется, должны были доминировать указанныя г. Ефремовымъ качества, и не могла она, за рѣдкими исключеніями, восхвалять неправду и насиліе и помогать угнетенію слабыхъ ¹⁾).

По условіямъ мѣста я не могу останавливаться здѣсь на книгѣ украинскаго публициста съ тою подробностью, какой она заслуживаетъ. Многое въ этой книгѣ, написанной, къ слову сказать, превосходнымъ языкомъ, достойно самаго серьезнаго вниманія не только украинскаго, но и русскаго читателя; а такъ какъ изъ этого многого можно взять сейчасъ лишь очень небольшую долю, то я ограничусь передачей, возможно ближе къ подлиннику, только тѣхъ моментовъ въ судьбахъ украинскаго слова, которые, на мой взглядъ, могутъ представлять особый интересъ—и, пожалуй, поучительность—для русскаго читателя.

Крестный путь, по которому исторія повела многострадальное украинское слово, начался тотчасъ почти послѣ утраты Украиной въ 1654 г. своей независимости. Начиная со второй половины XVII и черезъ весь XVIII вѣкъ тянется болѣзненный процессъ урѣзыванія „старожитнихъ правъ

¹⁾ Интересно отмѣтить, что почти одновременно съ трудомъ С. А. Ефремова вышла въ свѣтъ книга С. А. Венгерова „Героическій характеръ русской литературы“, авторъ которой точно также стремится изобразить литературу,—на этотъ разъ великорусскую,—сплошь исполненною исключительнаго героизма, какого нѣтъ въ другихъ литературахъ. Очень правильная и остроумная оцѣнка дана этой книгѣ г. Горнфельдомъ въ № 11 „Русскаго Богатства“ за прошлый годъ, и кое-что изъ замѣчаній этого критика можетъ быть всецѣло отнесено къ С. А. Ефремову.

и вольностей“ украинскихъ. „Обрусеніе“ и притѣсненія, направленные противъ мѣстныхъ формъ украинской жизни, коренились прежде всего въ московской нетерпимости ко всему чужому, а затѣмъ въ системѣ государственнаго централизма. Когда Украина присоединилась къ Московскому государству, тамъ господствовалъ еще въ полной и нетронутой красѣ архаическій обскурантизмъ, который относился ко всему несхожему съ московскими привычками, какъ къ ереси и измѣнѣ православію, и та чисто московская спѣсь, которая чужеземцевъ не считала за людей, а за какихъ-то нечистыхъ существъ, съ которыми въ постъ и разговаривать не слѣдуетъ, чтобы не поскоромиться. Извѣстно, что самъ „тишайшій“ Алексѣй Михайловичъ требовалъ отъ украинцевъ въ своемъ манифестѣ: „прежде нашего пришествія раздѣленіе съ поляками сотворите какъ вѣроу, такъ и чиномъ; хохлы, которые у васъ на головахъ, постригите“... Естественно, что и на украинскую литературу въ Москвѣ поглядывали косо. Эта литература даже въ своей тогдашней схоластической одеждѣ была слишкомъ свѣжею въ сравненіи съ московской заплѣсневѣлою письменностью, отличаясь отъ нея въ то же время и языкомъ. Положеніе въ то время украинской литературы иллюстрировано въ книгѣ г. Ефремова рядомъ любопытныхъ фактовъ, вродѣ ауто-да-фе „на пожарѣхъ“ сочиненій Транквиліона-Старовецкаго, вылавливанія книгъ „литовскія печати“, нелѣпой цензуры катехизиса Лаврентія Зазанія-Тустановскаго и т. д.

Послѣ Переяславльскоу уніи украинскіе писатели изъ академическихъ сферъ надѣялись, что ихнія книги пойдуть и въ Великороссіи, и стали для этой цѣли усердно ломать свой языкъ на церковный ладъ, но и это мало помогало. Патріархъ Іоакимъ, издавши указъ противъ „польскіе и литовскіе печати книгъ“, воспретилъ въ 1690 году чуть не всю тогдашнюю церковную украинскую литературу, не остановившись даже передъ такимъ столпомъ православія, какимъ былъ св. Димитрій Ростовскій: первый томъ его „Четій-Миней“ былъ преданъ сожженію, а слѣдующія изданія выправлены „по великорусской грамматикѣ“ такъ, что и не узнаешь въ нихъ автора-украинца... Книги изъ украинскихъ типографій всегда вызывали въ Москвѣ большія сомнѣнія, и при перепечатываніи ихъ языкъ и стиль подвергались систематической правкѣ. Въ предисловіи къ московскому изданію „Бесѣдъ Іоанна Златоустаго“ (1709 г.)

издатели объясняютъ, что они выдерживали „орѳографію, сирѣчь правописаніе и правовѣріе великороссійское, правильное по ученію грамматистовъ и любомудрецовъ, въ училищахъ издревле (!) и до нынѣ обдержимому“, присоединяя къ этому: „а малороссійская примрачная рѣченія изъяснихомъ обыкновенными“. Противъ такого перевода на русскій языкъ ничего нельзя было бы имѣть, но дѣло въ томъ, что уже въ 1720 году былъ изданъ указъ, чтобы „вновь книгъ никакихъ, кромѣ церковныхъ прежнихъ изданій, не печатать; а и оныя церковныя старыя книги съ такими же церковными книгами справливать, прежде печати, съ тѣми великороссійскими печатями, дабы никакой розни и особаго нарѣчія въ нихъ не было“. Въ 1721 году приказано всѣ книги изъ украинскихъ типографій присылать въ синодальную контору „исправленія ради и согласія съ великороссійскими“. Въ 1724 году было наложено 1000 руб. штрафа на архимандрита Печерской лавры за то, что изъ лаврской типографіи была выпущена Тріодь, не „во всемъ съ великороссійскимъ сходная“, а черниговскую типографію, независимо отъ такого же штрафа, приказано перевезти въ Москву, такъ какъ черниговцы упорно уклонялись отъ присылки книгъ въ цензуру. Въ 1726 году разрѣшеніе на изданіе акаеиста св. Варварѣ было дано только съ условіемъ, чтобы изданіе это было „на великорусскомъ нарѣчій“. Около 1769 года лаврская типографія просила дать ей разрѣшеніе хотя бы на печатаніе букварей не московскихъ, такъ какъ послѣднихъ никто не хочетъ покупать, но и этого ей не дозволили (стр. 124—129).

Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ типографіи, которыя прежде всякій могъ безпрепятственно заводить на Украинѣ, постепенно переводятся, а школы исчезаютъ?

Украинское слово, однако, не исчезло, не потонуло въ „великороссійскомъ нарѣчій“, а неуклонно росло и развивалось, несмотря на атмосферу ограниченій и репрессій, продолжавшую давить его. Не прошло и ста лѣтъ со времени отмѣченныхъ сейчасъ фактовъ, какъ украинская литература дала уже такихъ блестящихъ писателей, какъ Котляревскій и Шевченко. Въ то же время молодой ученый, впоследствии знаменитый славистъ, Срезневскій писалъ: „Въ настоящее время нечего доказывать, что языкъ украинскій (или, какъ угодно называть другимъ, малороссійскій) есть языкъ, а не

нарѣчіе русскаго или польскаго, какъ доказывали нѣкоторые; и многіе увѣрены, что этотъ языкъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ языковъ славянскихъ, что онъ едва ли уступить богемскому въ обиліи словъ и выражений, польскому въ живописности, сербскому въ пріятности, что это языкъ, который, будучи еще не обработанъ, можетъ уже сравниться съ языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому,—языкъ поэтическій, музыкальный, живописный“ (стр. 146).

Но само собою понятно, что это мнѣніе ни въ какомъ смыслѣ не было обязательно для російской бюрократіи. Послѣдняя, со свойственною ей рѣшимостью, въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, особымъ циркуляромъ оповѣстила ни больше, ни меньше какъ то, что украинскаго языка „не было, нѣтъ и быть не можетъ“...

Этотъ валуевскій циркуляръ, безъ сомнѣнія, останется навсегда достойнымъ памятникомъ русскаго административнаго генія, увѣковѣченнаго безсмертнымъ сатирикомъ; но въ смыслѣ практическаго вліянія на судьбы украинскаго слова онъ все-же уступаетъ послѣдовавшему въ 1876 году указу, извѣстному подъ именемъ „lex Iosephoviana“. Этотъ послѣдній указъ и соединенная съ нимъ полоса въ украинской литературѣ представляютъ собою едва ли не самую трагическую страницу ея исторіи. Впослѣдствіи она вызвала замѣчательное выступленіе въ пользу украинскаго народа одного изъ самыхъ выдающихся европейскихъ писателей, Бьернстерне-Бьернсона, возникла же она все изъ того же непреоборимаго желанія російской бюрократіи однимъ росчеркомъ пера нанести смертельный ударъ языку многомилліоннаго народа и привести къ нулю всю его литературу. Главнѣйшую роль въ этой попыткѣ сыгралъ М. Юзефовичъ (отецъ недавно скончавшагося въ Кіевѣ руководителя мѣстныхъ черносотенныхъ организацій), извѣстный своимъ предательствомъ въ исторіи кирилло-меодіевскаго общества. Внѣшнимъ поводомъ для нападенія на украинство Юзефовичъ избралъ дѣятельность „Юго-западнаго отдѣла географическаго общества“, въ которомъ работали въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка выдающіеся ученые-украинцы: В. Антоновичъ, Драгомановъ, Житецкій, Кистяковскій, Михальчукъ, Русовъ, Чубинскій и др. Вотъ какъ изложена эта исторія у С. А. Ефремова:

„М. Юзефовичъ, нѣкогда пріятель Костомарова, котораго онъ же потомъ и предалъ жандармамъ, первый подалъ въ 1876 году по начальству „докладную записку“, полную несообразностей и клеветническихъ измышлений на „юго-западный отдѣлъ“, на отдѣльныхъ его членовъ, какъ, напр., Драгомановъ, и на все украинское движеніе. Современное украинство, какъ писалъ Юзефовичъ, „есть ничто иное, какъ попытка, которой маскируется чистѣйшій социализмъ, или, вѣрнѣе, чистѣйшая демагогія“... Было образовано „особое совѣщаніе“, чтобы обсудить украинскую опасность (министры Тимашевъ и Толстой, шефъ жандармовъ Потаповъ и „тайный совѣтникъ“ Юзефовичъ). Рассмотрѣвъ упомянутый доносъ Юзефовича, совѣщаніе пришло, конечно, къ заключенію, что „вся литературная дѣятельность такъ-называемыхъ украинофиловъ должна быть отнесена къ прикрытому только благовидными формами посягательству на государственное единство и цѣлость Россіи“. Корень крамолы былъ найденъ, и судьба украинской литературы рѣшена. Въ тотъ самый годъ, когда Россія готовилась къ освобожденію турецкихъ славянъ, въ нѣмецкомъ городѣ Эмсѣ былъ подписанъ указъ, присуждавшій къ смерти литературу одного изъ крупнѣйшихъ славянскихъ народовъ Россіи. Вотъ текстъ этого необыкновеннаго документа:

„1) не допускать ввоза въ предѣлы имперіи безъ особаго на то разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ за границею на малорусскомъ нарѣчій;

„2) печатаніе и изданіе въ имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчій воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ и б) произведеній изящной словесности, но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ; въ произведеніяхъ же изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія, и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по рассмотрѣнію рукописей въ главномъ управленіи по дѣламъ печати; 3) воспретить также различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ нарѣчій, а равно и печатаніе на таковомъ же текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ“ (стр. 353—354).

Русскій читатель, который пожелалъ бы надлежащимъ образомъ оцѣнить этотъ ужасный законъ, пусть только представитъ себѣ, что на его родномъ языкѣ воспрещена научная, журнальная, народная и вообще всякая иная литература, кромѣ художественной; что при этомъ всякое художественное произведеніе должно пройти, ранѣе напечатанія, черезъ специальную цензуру центрального учрежденія; что одновременно съ этимъ безусловно запрещены всякаго рода театральныя представленія и даже печатаніе текста къ нотамъ родныхъ пѣсенъ. Развѣ преувеличеніемъ будетъ назвать такое положеніе смертнымъ приговоромъ литературѣ, въ особенности если знать, что представляло собою въ 70-хъ и 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія главное управленіе по дѣламъ печати, въ непосредственную зависимость отъ котораго была поставлена всякая печатная строка на украинскомъ „нарѣччі“?

На этомъ трагическомъ эпизодѣ мы закончимъ наше бѣглое изложеніе судебъ украинскаго слова. Въ мрачной картинѣ, которую намъ пришлось нарисовать со словъ историка украинской литературы, мы хотѣли бы только отмѣтить въ заключеніе одну чрезвычайно яркую, чрезвычайно значительную и въ такой же степени отрадную черту. Эта черта скрывается за тѣми самыми скорпіонами, которые выпали на долю многострадальнаго украинскаго слова. Да, эти скорпіоны имѣли и свою положительную сторону. Для всякаго не предубѣжденнаго человѣка они съ полною несомнѣнностью доказали жизнеспособность и изумительную силу сопротивленія украинской литературы, краснорѣчиво подтвердивъ этимъ ея права на существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, современную украинскую литературу и сравнивать трудно съ тѣмъ, что она представляла собою въ половинѣ прошлаго вѣка,—до такой степени она ушла впередъ, несмотря на всѣ преграды. Послѣднія главы „Исторіи украинскаго письменства“ г. Ефремова трактуютъ о цѣломъ рядѣ выдающихся украинскихъ ученыхъ, публицистовъ и художниковъ (Гринченко и Грушевскій, Франко и Крымскій, Коцюбинскій и Винниченко, Олесь, Чупрынка и др.), о возникновеніи и неуклонномъ ростѣ періодической украинской печати, о появленіи кадровъ литературной молодежи, обеспечивающей дальнѣйшую идейную работу среди украинскаго народа. Все это съ большою убѣдительностью свидѣтельствуетъ, какъ дика и несостоятельна была и всегда будетъ

мысль остановить духовную эволюцію пробудившагося народа; все это еще разъ, и притомъ съ особой яркостью, подтверждаетъ справедливость прекрасныхъ словъ русскаго поэта:

Надъ вольной мыслью Богу не угодны
Насиліе и гнеть:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умереть.

Ал. Саликовскій.
